

1 декабря 2020 г. (вторник)

«Стратегии межбалканской коммуникации: перевод»

(Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»)

Программа и резюме докладов

- 10:00–10:10 **И. А. Седакова** (Москва). Вступительное слово
- 10:10–10:40 **Н. Н. Казанский** (Санкт-Петербург). Перевод с эллинистического койне на местный говор
- Доклад посвящен анализу надписи IG IX. II. 517, текст которой датируется на основании двух писем Филиппа Македонского (от 219 и 214 гг. до н. э.), написанных на койне. Решения народного собрания, принятые в ответ на эти письма, изложены на фессалийском диалекте, который выступает как маркер независимости фессалийских городов в условиях полной политической зависимости Фессалии от власти македонского царя.
- 10:40–11:10 **В. П. Казанскене** (Санкт-Петербург). О месте нахождения *temenos* ‘земельный надел’ Алкиноя (к интерпретации *entha* в Od. 6, 293)
- В шестой песни *Одиссеи* Навсикая ведет потерпевшего кораблекрушение Одиссея в отцовский дворец, но стесняется вместе с ним идти через город. Гостю дается указание, что он должен остановиться на подходе к городу и переждать некоторое время. При определении места остановки упоминается священная роща Афины у дороги, ключ, цветущий луг; там (ἔνθα) земельный надел и сад отца Навсикая, царя Алкиноя. Трудность для понимания представляет неоднозначное употребление наречия ἔνθα: означает ли ἔνθα «там», что надел и сад Алкиноя находятся *рядом* со священной землей Афины или непосредственно *на* храмовой территории богини? Решение этого вопроса дало бы возможность четче понять текст и землевладельческие реалии, стоящие за гомеровским пассажем, а также сопоставить их с данными, отраженными в текстах как микенского, так и архаического времени.
- 11:10–11:40 **Л. И. Акимова** (Москва). Иконографический язык вазописцев Аттики и способы его «перевода» в искусстве Апулии IV в. до н.э.
- В Южной Италии IV в. до н.э. процветала апулийская вазописная школа, основанная аттическими мастерами и производившая в большом количестве краснофигурную керамику для погребальных целей. Ранее центрами их потребления считались греческие города (Тарент, Метапонт и др.). Ныне выясняется, что самые роскошные вазы со сложными композициями изготовлялись по заказам местных италиков. Для более глубокого усвоения в новой среде исконно балканская система образов и понятий требовала трансформации. Художественный язык, внешне оставаясь классическим греческим, совершал двуступенный «перевод» – сначала чтобы быть понятным греками-переселенцами, а затем и эллинизированной давнийской знатью.
- 11:40–12:00 Перерыв на кофе

- 12:00–12:30 **К. А. Климова** (Москва). «А как называют в Салониках море? – Бугаца с рыбой»: особенности афинского и солунского говора в Греции как маркеры локального патриотизма
- Различия в речи современных афинян и солунцев наблюдаются на фонетическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Нормативными являются афинские лексические варианты, в то время как солунские маркируются как диалектные (*όζα* ‘лак для ногтей’, *πιτόυρο* ‘гирс’, *ντεμέκ* ‘якобы’ и пр.). Специфическое употребление в Салониках лексемы *μπουγάτσα* ‘бугаца, вид сладкого слоеного пирога’ для обозначения слоеных пирогов с любой (сырной, мясной) начинкой стало восприниматься в современной Греции как своеобразный культурный маркер, характерный для всей территории греческой Македонии и Фракии. Это, с одной стороны, порождает множество афинских шуток и анекдотов про Салоники, а с другой – является предметом местной гордости солунцев, поскольку демонстрирует, по их мнению, богатство их локальной традиции.
- 12:30–13:00 **М. С. Морозова, А. Ю. Русаков** (Санкт-Петербург). Ораховац / Rahovec: попытка социолингвистического портрета городского сообщества
- Доклад посвящен лингвистическим и социолингвистическим особенностям языковой ситуации в городе Ораховац / Rahovec на западе Косова, в которой в разных конфигурациях взаимодействуют: местный гегский говор албанского языка, литературный албанский язык, литературный сербский язык, локальный говор торлакского наречия и особый идиом албанского городского населения, известный как серб. *равачки* ‘говор Ораховца’ / алб. *gjuhë rahovecjançe* ‘раховецкий язык’.
- 13:00–13:15 Перерыв на кофе
- 13:15–13:45 **А. А. Новик** (Санкт-Петербург). «Где слог найти, чтоб описать»: греческие и албанские фитонимы в Химаре
- В контактной зоне албанско-греческого пограничья фиксация фитонимов представляет собой сложную научную задачу. С одной стороны, ключевые информанты, владеющие либо декларирующие владение двумя идиомами, нередко способны назвать четыре лексемы, определяющие то или иное растение: на греческом диалекте региона, на стандартном греческом, на албанском стандарте и на албанском диалекте. С другой стороны, часты случаи, когда перевод распространенных и важных культурных растений у людей с высокой языковой компетенцией вызывает сложности отнесения фитонимов к тому либо иному языку. Исследование посвящено таким сложностям перевода.
- 13:45–14:15 **А. С. Дугушина** (Санкт-Петербург), **М. М. Макарец** (Москва / Ольденбург). Сакральные практики православных и мусульман в святилищах смешанного культа в регионе Дэвол (Юго-Восточная Албания)
- В докладе планируется обсуждение совместных практик почитания православных и мусульманских святынь в регионе Дэвол на юго-востоке Албании, религиозный ландшафт которого представлен этноконфессиональными группами православных (албанцы, македонцы) и мусульман (албанцы-сунниты и албанцы-бекташи). В качестве кейса взяты православная церковь Святых Косьмы и Дамиана в селе Хочишт со смешанным православным и мусульманским населением, а также мусульманская бекташійская святыня Иноништ в селе Куч с мусульманским населением. В лингвистическом и антропологическом контексте будет представлен «перевод» одного сакрального паттерна на два конфессиональных кода, реализующихся в лексике и структуре обрядовых практик.
- 14:15–15:15 Перерыв на обед

15:15–15:45 **И. А. Седакова** (Москва). Народная терминология балканских и славянских православных праздников: опасности перевода

Народные хрононимы высвечивают значимые содержательные и формальные аспекты церковных праздников в их православно-бытовом преломлении. В центре внимания в докладе находятся балканские термины Вознесения и Преображения в их корреляции с внецерковными ритуалами и поверьями, имеющими преимущественно аграрную основу и связанными с природными / сезонными циклами. Однако иногда выбор хрононима не так очевиден и задает определенную интригу. Это наглядно демонстрирует сравнение балканославянских и восточнославянских хрононимов: «Спасовым днем» / «Спасом» именуется различные праздники (на Балканах – Вознесение Господне, вне Балкан — Преображение Господне). Не совпадает и обрядовое наполнение и «переклички» июньских и августовских праздников у балканских и небалканских народов, что создает «трудности» и даже «опасности перевода» как вербального, языкового, так и экстралингвистического. Последнее будет рассматриваться на примере перевода на балканские языки стихотворения Б. Пастернака «Август».

15:45–16:15 **Е. Э. Будовская** (Вашингтон), **К. С. Задоя** (Дюссельдорф). Мифология плача в народной культуре украинских Карпат: множественность кодов ритуала и прагматика их использования

В докладе рассматривается один из наиболее распространенных недугов, связываемых в народной культуре с магией: детский плач. Анализируются материалы из Карпатского ареала (Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская области Украины). Рассматривается структура верований, выделяются повторяющиеся элементы, анализируется взаимодействие вербального, акционального и предметного кодов в обряде (перевод из одного кода в другой, а также дублирование содержания несколькими кодами). В заключение дается сравнение с некоторыми балканскими верованиями.

Плач в Карпатском ареале – это плач грудного ребенка, который нельзя остановить обычными способами. Плач считается болезнью, с не вполне ясными границами (имеет сходство со сглазом, иногда с эпилепсией и т. д.), однако можно выделить некоторое смысловое ядро, свойственное именно плачу. У плача есть магическая причина: его приносят ребенку. Обычно это делает злая женщина, перенося плач со своего младенца на другого, здорового (обычно в воде, выливает эту воду на свет/на двор, где есть здоровый ребенок). Плач могут принести и лесные звери (тоже на свет).

Способы лечения плача также являются магическими. Основной способ – это *гасити воду* (гасить в воде угольки/спички, а потом обмывать этой водой ребенка и давать ему пить и т. д.). В селе обычно есть специалисты, которые умеют гасить воду или имеют специальные предметы (напр., волокно, которым был обвязан святочный хлеб и др.), помогающие в избавлении от плача, но в экстренном случае исполнить ритуал могут и домашние ребенка. При этом после обмывания ребенка вода может стать необычной (густой); это означает, что плач перешел в воду. Такую воду надо выливать в особое место, в определенное время и особым способом.

Ритуал гашения воды может сопровождаться приговорами, в которых плач отсылают подальше от ребенка. Как правило, приговор представляет собой диалог с персонифицированным плачем: его или отсылают обратно, перечисляя места, откуда он мог прийти, а также людей/зверей, которые могли его наслать, или спрашивают, откуда он пришел (и затем отсылают).

В докладе исследуются приемы, используемые карпатскими целителями в магических ритуалах против детского плача для придания им большей действенности, сопоставляются обычные, «домашние» способы и те, более сложные, которыми владеют только специалисты. В заключении доклада сравниваются некоторые аспекты карпатской и балканской мифологии плача в более широкой географической перспективе.

16:15–16:30 Перерыв на кофе

16:30–17:00 **Н. В. Злыднева** (Москва). Концепт *перехода-переноса* в литературе и искусстве южных славян XX века

В центре внимания – региональная специфика *переводимости* как общекультурного принципа коммуникации, опирающегося на концепт *посредничества* (языков, видов искусства, художественных приемов), который на Балканах был особенно значим. Выявление носителя посредничества – *перехода-переноса* – и его роли обнаруживает свойственную балканской модели мира парадоксальность, разрушение универсальных стереотипов: то, что призвано соединять – здесь разъединяет, а то, что призвано выполнять функцию различения/разъединения – наоборот, выступает как передача сообщения, то есть, агент *перехода-переноса*.

Первое можно проследить в литературе – в функциях мотива и нарративной конструкции: так, *мост* в прозе И. Андрича в нарушение ожидания является носителем акоммуникации и адинамизации, а в характерной для писателя композиции *mise-an-abyme* (рассказ в рассказе) на первый план выходит рассказчик, выполняющий роль *перевода/переноса* ментальных кодов (повесть «Проклятый двор»). *Перевод* как *перенос* кодов актуализируется и в ряде сюжетных коллизий, основанных на фантомном персонаже (пример – рассказ «Елена, женщина, которой нет») – своего рода значимом отсутствии.

Второе прослеживается на материале медиа, основанных на других принципах/носителях организации художественного сообщения. Так, произведение К. Бранкузи «Скульптура для слепых» (мешок с камнем неопределенной формы внутри, предназначенном для ощупывания) передает идею *переноса* кодов из зрительного в хаптический, восходящий к ранним этапам эволюции органической материи. Скульптор, определивший пути развития скульптуры первой половины XX века, проявил глубинную связь с архаической балканской традицией на уровне поэтики. Этот по существу синестетический прием стал характерен для всего исторического авангарда, и балканского в частности. Синестезия как *перенос* кодов определил деятельность отдельных художественных групп на территории Королевской Югославии (группа дадаистов из Суботицы, 1920-е), а позднее – приемы и мотивы в сюрреализме 1960-х (Душан Джамонья в скульптуре, Васко Попа в поэзии). Не случайно и название неоавангардной белградской группы конца 1960-х «Медиала» – ее художественная программа была направлена на осознание/актуализацию разрыва коммуникаций между историческими эпохами и утопической попытке создания моста-*перевода* между ними. Декларация значимого отсутствия – концепт *непереводимости* – составляла ядро художественной деятельности загребских концептуалистов в 1970-х. В живописи Владо Величковича наблюдается модель *перехода/переноса* в категориях преодоления экзистенциального порога: метафорическим носителем *перевода* здесь выступает экстатически деформированная плоть.

Наконец, проблема *непереводимости* определила смысловой стержень романа Д. Угрешич «Форсирование романа-реки» (1986), в котором на уровне системы персонажей, нарративной структуры и языка создана модель *переходности*, описывающая эпоху 1980-х. В этом произведении хорватской (ныне европейски признанной) писательницы доминирует концепт границы, ее пересечения, различных форм перевода/переноса кодов, а также мотив посредничества, постулирующих *переводимость* главной проблемой коммуникативного пространства балканской культуры.

17:00–17:30 **Д. С. Ермолин** (Санкт-Петербург). Призрен: город-музей или лаборатория межбалканской коммуникации?

В докладе будут проанализированы векторы социального и пространственного развития города Призрен (Косово) в контексте истории региона в XX–XXI в. На протяжении долгого времени рассматриваемый город являлся крупным политическим, экономическим и культурным центром Балкан, вследствие чего городское население характеризовалось этнической пестротой: так, в Призрене существовали турецкие, албанские, сербские (и шире – славяноговорящие), еврейские и цыганские кварталы с общей для старожилов идентичностью горожан. Основной тезис заключается в том, что

переплетение (порой доходящее до конфликта) двух векторов развития городского пространства – «собственной логики» (по Х. Беркингу и М. Лёв) и «логики победителя» (в терминологии Ш. Ротбарда) – и формирует образ города, во многом обуславливая повседневность и поведенческие (в т.ч. коммуникативные) модели его жителей. Кроме этого, само эволюционирующее городское пространство может рассматриваться в качестве актора, сегментирующего различные социальные, этнические и конфессиональные сообщества.

17:30–17:45 [Сообщение] **А. С. Чиварзина** (Москва). К албанскому цветовому коду: зеленый

В албанском языке для обозначения зеленого цвета есть три равноправных лексемы, которые используются как полные синонимы: *i, e gjelbër* (лат. *galbinus* < и.-е. *ghel- ‘желтый, зеленый’), *jeshil* (тур. *yeşil* ‘зеленый’), *i, e blertë* (пр-алб. *blōra < и.-е. *bhloros ‘светящийся, яркий’) (Orel 1998: 29, 131). В определении лексем в словарях используются отсылки, т.е. при толковании *i, e gjelbër* дается отсылка к *i, e blertë*, а *i, e blertë* и *jeshil* толкуются через синоним *i, e gjelbër* (Fjalor 1980).

Самой распространенной, если судить по корпусу албанского языка (ок. 20 млн. слов, см. Морозова и др. 2020), является *i, e gjelbër* (880 словоупотреблений). Турецкое заимствование *jeshil* (500 сл.) чаще используется с реалиями, пришедшими в язык и культуру с востока и из османского мира. Исконная лексема *i, e blertë* (250 сл.) регулярно встречается в переводах текстов Священного писания и Корана, а дериваты от *i, e blertë* в словаре носят помету «книжное» (Fjalor 1980: 156).

В докладе предлагается рассмотреть прагматику, частотность и сочетаемость цветообозначений зеленого цвета в албанском языке.

Литература: Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980; V. Orel. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998; М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, Т. А. Архангельский. Албанский национальный корпус. (Доступно онлайн по адресу: albanian.webcorpora.net, дата обращения 04.03.2020.)

17:45 Заключительное слово

Круглый стол пройдет онлайн на платформе Zoom. Всем участникам заблаговременно будет направлена ссылка с информацией о доступе. Всех, кто хотел бы посетить круглый стол, но не является участником, просим написать нам до вечера 30.11.2020, чтобы мы могли прислать информацию о доступе.

По всем организационным вопросам: balcanica2008@yandex.ru, +491627959134 (WhatsApp, Viber, Telegram).